

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 2 (103)

В ПОИСКАХ ТХАЧЕГА

Культ священных рощ и деревьев, называемых *Тхэклагь/Тхэчлагь/Тхэцлагь* (тхэ «бог», клэгь/члагь/цлагь «под, внизу», букв. «под богом», «под покровительством бога»), в традиционных религиозных воззрениях адыгов был важнейшим. *Тхэчлагь* (Тхачег) – это природный храм, сакральное пространство адыгов, где осуществлялась связь с богом, с космосом. Священных рощ и деревьев по всей Черкесии было много, и они были разбросаны повсеместно. Каждый аул имел свой *Тхэчлагь*, где проводились молебны (*тхэльэлу*), совершались жертвоприношения божествам (*тыхь*). В таких местах запрещалось ломать ветки деревьев, громко разговаривать и сквернословить. Нарушение этих запретов, как утверждали адыги, каралось небесными силами и могло повлечь за собой гибель не только того, кто осквернил сакральное пространство, но и несчастья для всего его рода.

Названия многих священных рощ и деревьев известны до сих пор, особенно тех, что находятся в Причерноморской Шапсугии: *Тхэчлагьжы* (старый Тхачег), *Ахын тхэчлагь* (Тхачег Ахина – божества крупного рогатого скота), *Баус тхэчлагь* (Тхачег рода Баус, близ а. Кирова/Тхагапш) и др. Сохранившиеся названия священных деревьев и рощ Шапсугии зафиксированы в топонимических словарях и освещены в научной литературе. Во многом это произошло благодаря этнографическим экспедициям московских и ленинградских ученых в шапсугские аулы, состоявшимся в 30 – 50 годы прошлого столетия. Менее повезло святым местам *Тхэчлагь*, находившимся на территории исторической Абадзехии, а также мест проживания темиргоевцев, бесленейцев, махошей и др. На сегодняшний день эти святилища и их названия остаются большей частью неизученными или совершенно забытыми. В научной литературе и в адыгском фольклоре встречаются названия некоторых священных лесов и рощ, место расположения которых сейчас трудно точно локализовать. Среди них особо выделяется большой лес *Тхэчлагь мэз/мэзышху* (лес

Тхачег/большой лес Тхачег), часто упоминаемый в адыгских устных преданиях и песнях. Какой именно лес из огромного количества лесов так назывался? Существовал ли отдельный лес с таким названием или это общее нарицательное название всех священных рощ и лесов? А если речь идет о каком-то конкретном лесе, то где он находился, и где его искать? Здесь надо заметить, что в нашем современном представлении *Тхэчлагь* (Тхачег) – это одно большое дерево, чаще всего дуб, под которым проводились молебны и жертвоприношение, в крайнем случае, группа деревьев, но никак не большой лес.

Впервые я задалась этими вопросами и обратила внимание на то, что Тхачег – это не только название отдельного места в лесу, где проводились молебны, как толкуют словари, но и большого леса, который, судя по названию, весь считался священным, когда познакомилась с некоторыми материалами, обнаруженными в рукописном архиве АРИГИ. Это были экспедиционные записи с воспоминаниями старожилов аулов Егерухай, Хачемзий, Кошехабль, Ходзь, Блечепсин и Джеракай о том, откуда они родом и где раньше жили их

предки. Рассказы представителей абадзехов, абазин, егерухаевцев и беглых кабардинцев, записанные в 30 – 40 годах прошлого столетия, содержали интересную информацию, до сих пор ни кем не изученную. В процессе подготовки этих материалов к публикации в журнале «Псаль» (Слово), уточнения некоторых топонимов, встречающихся в текстах, я обратила внимание на то, что каждый информатор, рассказывая о родине своих предков – хэкужь (старая родина, пепелище, где они проживали до окончания Кавказской войны, называл местность *Тхэчлагь* (Тхачег). Причем, не уточнялось, что это – лес, роща или местность, просто из записей было видно, что и сказители, и собиратели знают, о чем идет речь.

В текстах давались небольшие уточнения, где располагался их родовой аул или их соседи. Так, Берзегов Якуб из а. Хачемзий рассказывал: «Тихэкужь – Бэрзеджхабль (*Тхэчлагь* – ст. Тульскэм дэжь)» – «Наша старая родина – аул *Бэрзеджхабль* (Тхачег – возле ст. Тульской)», а Беданок Шеретлук из а. Джеракай указывал: «Сятэ ятэ кызыщыгуьгэр Абдзэхэ хэгэгу (*Тхэчлагь*)» – «Отец моего отца родился в Абадзехии (*Тхачег*)», он же пояснял: «*Мэхьош-*

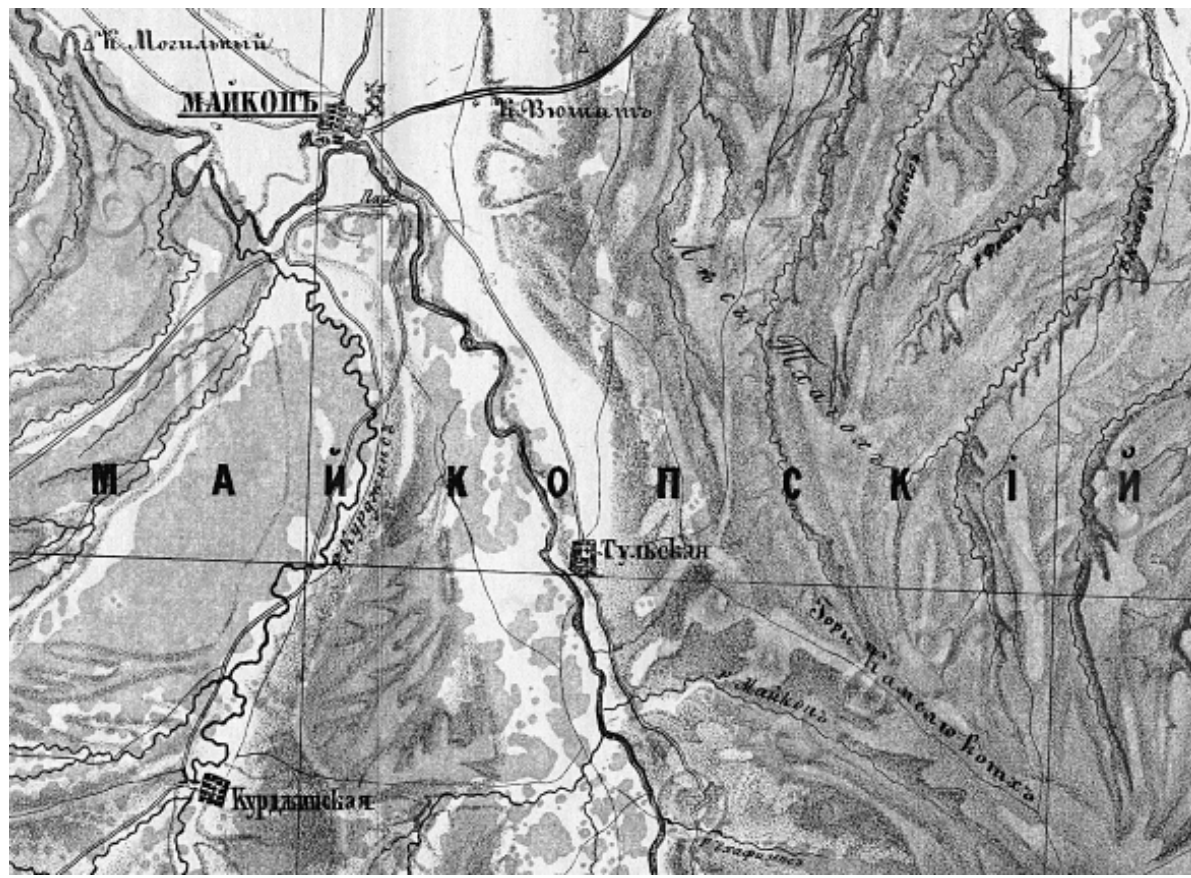
хэр Тхэчлагь лупэ лусыгъэх. «Махоши жили на краю Тхачега». Другой информант Дзыбов Наху из а. Егерухай говорил: «*Тхэчлагь кычлэжы Еджеркыуае кызытлысхэм...*» – «Когда они покинули Тхачег и поселились в ауле Егерухай...». Таких воспоминаний более двух десятков и в каждом из них упоминается Тхачег и другие топонимы, относящиеся к нему: *Мэшлодз хэкужь* (Мафедзевых старая родина, пепелище, за ст. Тульской, совр. Махош поляна), *Шклэжыху льал* (подножие кургана Шкежуха, за рекой Ходзь) и др. [Емык Нурджан. «Абдзахэр кызыуком...» // Псаль. N 3(6). 2006. С. 203 – 220]. Некоторые истории начинались со слов: «*Мыр зыхыгуьгэр адыгэр Тхэчлагь зычлэсыр ары...*» – «Это случилось, когда адыги еще жили в Тхачеге...» или «*Абдзахэр Тхэчлагь мэз-кыушхэм зычлэсыр...*» – «Когда абадзехи жили в горно-лесном Тхачеге...».

По рассказам стариков получалось, что их предки жили в *Тхэчлагь* (Тхачег), т. е. буквально «под богом», «под покровительством бога», и это звучало как поэтический образ их старой родины, о которой они тоскуют. Создавалось впечатление, что речь идет не о конкретной мест-

ности, а обо всей их старой родине – Абадзехии, которую они воспринимали как потерянный рай – *Тхэчлагь* (Тхачег). В то же время реальные названия мест, указанные в текстах, позволяли предположить, что *Тхэчлагь* (Тхачег) – не метафора, а топоним, наименование местности или леса, охватывающего большую территорию между реками Ходзь и Белая. В нее также входили окрестности современного города Майкоп и станиц Тульской и Махошевской и др. Таким образом, выяснилось, что вплоть до середины прошлого века многие старики помнили название *Тхэчлагь мэз* и его местонахождение, но никто из ученых его не зафиксировал в словарях. Теперь, по прошествии более века, когда не осталось живых свидетелей, а в современном обиходе топоним *Тхэчлагь мэз* (лес Тхачег) в привязке к этим местам не сохранился, и стало сложно уверенно локализовать его месторасположение, предстояло найти этот потерянный лес Тхачег.

Опираясь на некоторый опыт восстановления и реконструкции смысла забытых адыгских топонимов, наработанный в последние годы, я начала поиски Тхачега. Основными источниками в этом исследовании стали данные адыгского языка и фольклора и русские военные документы времен Кавказской войны, «описания местностей» военных топографов, а также воспоминания «кавказцев» – ветеранов, участников боевых действий при покорении Кавказа.

В первую очередь за уточнениями я обратилась к адыгским преданиям и песням, где упоминается некий большой лес *Тхэчлагь мэз/мэзышху* (Лес Тхачег/Большой лес Тхачег) и таких оказалось немало. К примеру, в нескольких народных песнях, собранных за рубежом Шабаном Кубовым и опубликованных в Нью-Йорке (1963 г.), упоминается лес Тхачег (*Тхэчлагь мэз*). Так, в песне «Хэкужьым игыбз» (Песня-плач о старой Родине) есть такие строки: «*Тхэчлагь мэзым зэлычлэхэжхэзи, Хьаджырет-заори шашыжы*» (В Тхачег лес уйдя, хаджиретов (абреков) войну там учинили). Другая песня, называемая «*Тхэчлагь*» (Тхачег),

В ПОИСКАХ ТХАЧЕГА

начинается со слов: «Тхьэчлэгъ мээу тызылуыгъэм, урысыдзэм тэ тыкылуефи...» (От леса Тхачег, где мы проживали, русское войско нас прогоняет...). В песне «Сиххит машэм игыбз» (Песня-плач над могилей шахидов) поется: «Абдзахэр Тхьэчлэгъ мээым кызычлафым лыер кышыши...» (Абадзехов, когда изгнали из леса Тхачег, несчастье их постигло...). [Kube Saban. Adighe folklore. N 3. New York, 1963. P. 56 – 57].

Во всех этих песнях поется о каком-то конкретном лесе Тхачег (Тхьэчлэгъ мээ), занимавшем большое пространство, на территории которого проживало много людей, лесе, куда уходили для последнего боя и где остались могилы их героев. В текстах называются некоторые другие топонимы и гидронимы, помогающие точнее локализовать упоминаемый лес Тхачег: Фэрзашхьэ (верховье р. Фарс), Псыфыр/Псышъур (р. Псефир, приток р. Фарс), что совпадает с тем, что рассказывали упомянутые выше старики.

Предположение о том, что большой лес Тхачег реально существовал и располагался в верховьях рек Фарса и Псефира, подтверждается еще одним микротопонимом Тхьэцлагъ гьогужь (Старая дорога в Тхашаг), относящимся к окрестностям аула Ходзь (Кошехабльский район). Он также не зафиксирован в топонимических словарях, но, как пишет А. Афашагов, до сих пор старики аула так называют дорогу, ведущую в ст. Костромскую Мостовского района, расположенной на р. Псефир. [Афашагов А. Х. История аула Ходзь. Майкоп, 1998. С. 170].

Таким образом, удалось внести некоторую ясность, где находился Тхьэчлэгъ мээ (лес Тхачег), но, несмотря на все эти факты, оставались сомнения – был ли этот Тхачег одним большим лесным массивом, располагавшимся между реками Белой и Лабой, или в каждом случае речь идет

об отдельной священной роще, принадлежащей разным аулам или племенам.

Дальнейшие поиски сведений о лесе Тхачег помогли обнаружить интересную информацию в более архаичных произведениях адыгского фольклора. К примеру, в культовой песне «Шиблэ-удж» (Шиблэ – бог грома, удж – танец), исполняемой во время кругового ритуального танца вокруг священного дерева при первом весеннем громе или во время похорон людей и животных, убитых молнией, слово Тхьэцлагъ/Тхьэчлэгъ (Тхашаг/Тхачег) встречается три раза. В ней говорится о том, что собравшиеся, танцующие круговой танец-удж, поют и возносят свои молитвы к небесному покровителю Еле (его традиционно отождествляют с христианским ветхозаветным пророком Иллей), чтобы он не воспламенял лес Тхашаг – «Тхьэцлагъ мээ умыгъэс», ради чего они призывают всех участников ритуала выпить грушевый напиток (къужьыпс) и дружно танцевать удж вокруг огромного старого дерева Тхашаг – «Тхьэцлагъ жыгъжьыр доуджыхь», а того, кто не последует их примеру, пусть поразит молния, и пусть воды (реки) Тхашага его унесут – «Шыблэ-уджым кыхэмыхьэр Шыблэм ирехь, Тхьэцлагъыпсым ар ерехь».

Как видно, в данной песне речь идет не только о священном дереве Тхьэцлагъ, но и о каком-то большом священном лесе Тхьэцлагъ мээ, где протекают реки, где живут люди. Таким образом, в ней разводятся два понятия: Тхьэцлагъ жыг (Тхашаг-дерево) и Тхьэцлагъ мээ (Тхашаг-лес), что также подтверждает мысль о существовании отдельного большого леса под общим названием Тхьэцлагъ/Тхьэчлэгъ. Безусловно, все перечисленное можно отнести к любому другому лесу или роще, называемому Тхьэчлэгъ, но сам факт, что песня сохранилась на языке лабинских кабардинцев и махошей, косвенно указывает на

то, что в ней речь идет о том самом большом лесе Тхачег, который находился в пространстве между реками Лаба и Белая.

Тхьэчлэгъ/Тхьэцлагъ мээ упоминается и в другой древней песне, называемой «Шыпкышь» (Сто истин), а в кабардинском варианте – «Псальэ пэжищэ» (Сто верных слов). Согласно преданию, старый охотник Джамболет, предпочитавший охотиться один, однажды уходит далеко в горы и там, в одном глубоком ущелье, встречается с лесным чудищем Мэзлыныкью (Лесной полумужчина, получеловек). Джамболет, нарушивший границы Лесного получеловека, был пленен и просит отпустить его. В ответ Мэзлыныкью ставит условие: «Отпущу, если скажешь мне сто истин». Старый охотник Джамболет, умирая от страха, пропел все известные ему истины и, таким образом, выполнив условие, ушел от Мэзлыныкью. Такова история создания песни, текст которой представляет собой перечисление непреложных истин, формирующих мировоззрение адыга, составляющих основу его жизни и быта. Каждая отдельная строфа, построенная по принципу послыци, несет в себе этническую информацию и глубокий философский смысл.

Среди прочих «истин» и «верных слов», переданных Джамболетом дикому, неразумному лесному человеку и зафиксированных в «Ста истинах» есть одна строфа, посвященная лесу Тхачег: «Тхьэчлэгъ имэзыр зымышкы...» (лес Тхачег – всего один желудь). Эта лаконичная фраза, при всей своей внешней простоте, многозначна и ассоциативный ряд, выстраиваемый ею, открывает еще несколько пластов для понимания. Первый план – Тхьэчлэгъ мээ (лес Тхачег), «лес, покровительствуемый богом», священный лес, произрастает из одного желудя, т. е. природный храм, сакральное пространство, где чело-

век связывается с богом, с космосом, берет начало всего лишь из одного семени дуба. Это мысль о том, что великое кроется в малом. Как и у многих народов, в адыгской традиции, дуб (чыггай/жыгей) особо почитаем, и считается священным, воплощает представление о силе и незыблемости мира, считается одним из символов Мирового дерева. А желудь дуба (мышкы), или семья, символизирует скрытые, неявные силы или мистические возможности, которые даже если они временно не проявляются, несут в себе надежду, что станут чем-то значительным, великим.

Любопытно, что в кабардинском варианте «Ста истин» упоминается не желудь дуба, а дикое яблоко – кислица (мы): «Тхьэцлагъкьлэрэ зэджэ мээышхуэр – зымышхьэщ» – «Тхашагом называемый большой лес – всего один плод кислицы (одно яблоко)». В обоих случаях речь идет о двух особо почитаемых адыгами деревьях – дубе и дикой яблоне, от одного семени которых может произрасти большой священный лес – Тхьэчлэгъ/Тхьэцлагъ, представляющий собой природный храм. Упоминание в песне не одной породы дерева, а двух, возможно, еще раз обращает наше внимание на то, что «божий промысел» можно увидеть во всем: в каждом семени, в каждой пылинке мироздания, и через это семя, через эту пылинку приобщиться к божественному, восстановить связь с нашей духовной природой.

Яблоня в адыгской символике считается деревом возрождения к вечной жизни, олицетворяет плодovitость и обновление. Кроме того, яблоня – одно из первых окультуренных деревьев и потому в адыгской традиции, как и в мировой культуре, имеет сакральное значение. В адыгской мифологии окультуривание яблони связано с именем бога плодородия и изобилия Тхагаледжем, который творил между реками Лаба и Кубань, в частности, в окрестностях Майкопа, где по предположению находился большой лес Тхачег. Косвенным доказательством этому можно считать и то, что на его территории (р-н ст. Тульской) находится балка/ущелье Миэко, по которой течет одноименная речка (Мыекьо – балка/речка, где растут дикие яблони), давшая название Майкопской долине. Возможно, упоминание в «Ста истинах» не только дуба, но и дикой яблони, намекает на то, что речь идет именно об этом лесе Тхачег, а не о каком-то другом.

Знаменитый в прошлом большой лес Тхьэчлэгъ (Тхачег) встречается и в очерке Султана Хан-Гирея «Князь Пшьской Аходягоко»: «Однажды – это было давно – мы проезжали через тот самый лес Тхачег, обширный и мрачный. Мы

были на пути к бесленеевцам». Далее Хан-Гирей подробно описывает меры предосторожности, предпринятые их проводниками, опасаясь «нападения знаменитого разбойника Донекея и отважной его шайки, которая по слухам находилась тогда в окрестностях страшного леса» [Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 255,256].

Как известно, абадзехи и егерухаевцы до 60-х годов XIX в. жили по соседству по правому берегу р. Белой, в окрестностях современной ст. Тульской. Если следовать маршруту, указанному Хан-Гиреем, то их путь лежал из Бжедугии (район Екатеринодара) в Бесленей, располагавшийся в то время между реками Лаба и Кубань, куда можно было попасть через лес Тхачег. Так, приведенные Хан-Гиреем подробности, не противоречат предположениям о местонахождении леса Тхачег, а эпитеты «обширный», «мрачный», «страшный», использованные им при описании «Тхачеха», подтверждают репутацию, которой пользовался этот таинственный лес у «чужаков». А имя Хаджи Ташав Донекея или Дунакая (Дунэкай/Дунэкаей) в XIX в. было широко известным, и оно не раз упоминается не только в адыгских преданиях и песнях, но и в русских военных рапортах.

Итак, по приведенным данным адыгского фольклора и литературы, можно с уверенностью сказать, что среди огромного количества священных деревьев и рощ на территории исторической Черкесии, в общем нарицательно называемых Тхьэчлэгъ (Тхачег), был один самый большой и самый известный лес Тхьэчлэгъ мээ/Мээышху, который охватывал все пространство между реками Белой и Ходзь (приток Лабы) в их предгорной части. Он хорошо был известен вплоть до середины XX в. не только абадзехам, егерухайцам, махошам, проживавшим в нем, но и соседним темиргоевцам, бесленейцам и беглым кабардинцам, которые сохранили о нем память, отраженную в фольклорных произведениях.

Для того, чтобы расставить все точки над «i», осталось сравнить данные адыгского фольклора, с русскими историческими источниками XIX в., в которых упоминается лес Тхачег. Надо заметить, что таких документов удалось обнаружить немного. В военных источниках конца 50-х годов, повествующих о времени возведения Майкопского укрепления, лес, расположенный выше по правому берегу р. Белой, часто упоминался под названием «Длинный лес»: «Из дел этого времени особенно памятно дело 18 ноября (1857 г.), когда колонна из 5 бат. и 4 эскадр., высланная для рубки в Длинный лес, под начальством

В ПОИСКАХ ТХАЧЕГА

полковника Вельяшева, была атакована из засады сильной неприятельской партией...». [В. П. Майкоп // Русский художественный листок. N 20. 1862. С. 77].

Название Длинный лес (от адыг. Мэзкыхь) было вторым наименованием леса Тхачег, а укрепление, построенное в нем, было названо, соответственно, Длиннолесским. Впрочем, и многие другие леса имели подобные дублирующие названия, отражающие их форму, размеры или иные характеристики: *Мэзышху* (Большой лес), *Мэзхурай* (Круглый лес), *Мэзай* (Недобрый лес), *Мэзмай* (Густой, темный лес) и др. Эти вторые названия чаще встречаются в военных рапортах, вероятно, как более легко произносимые и адаптированные к русскому слуху.

Поначалу лес Тхачег (*Тхьэчлэгъ мэз*) в военных документах еще назывался просто «дремучим лесом», а позднее - «священной рощей», а его восточная часть - «махошевским лесом». Так, описывая историческое событие - приезд в сентябре 1861 г. императора Александра II в лагерь верхне-абадзехского отряда, располагавшийся на Хамкетинском нагорье, военные историки указывали, что оно происходило неподалеку от урочища Маврюк-чай (Маврюк-гай, Маврюк-огой), где находилась знаменитая священная роща, «где под ее столетними дубами и чинарами собирались абадзехи для решения своих народных дел».

Урочище Маврюк-чай (*Мамрыкьо клэй* - долина р. Мамруко), где остановился император Александр II, находилось между современными станциями Хамкетинской и Новосвободной, бывшей Царской, названной так в честь приезда царя.

После неудачных переговоров Александра II с абадзехскими, шапсугскими и убыхскими старшинами было решено активизировать военные действия, чтобы очистить всю территорию от Майкопа до Черного моря от черкесов. Начиная с осени 1861 г., в связи с усилением боевых операций на правом берегу р. Белой, название леса Тхачег становится более известным среди русских военных и уже чаще встречается в разных отчетах и рапортах. К примеру, М. И. Венюков, непосредственный участник тех военных действий на территории Абадзехии осенью-зимой 1861-62 гг., в своих воспоминаниях отмечал некоторые подробности: «Мы стояли на Фюнфте недолго и, покончив с устройством спуска и дороги, направляющейся к р. Белой, перешли на Фарс, в то место, где теперь стоит станция Царская, ограждением которой занимались добрых полтора месяца. В то же время производилась, от времени до времени, рубка

просеки, долженствовавшей привести нас к Дахо, тогдашний центр враждебной нам части абадзехов. Говорю части, потому что ближайшие к лагерю абадзехи, из леса Тхачох, т. е. Фарса и Губса, относились к нам дружелюбно и постоянно привозили на продажу сену, кур, яйца и т. п. Я нередко покупал эти предметы и, признаюсь, не знаю, как бы мог прокормить, без участия черкесов, до весны свою верховую лошадь и пару упряжных, которые возили мой походный скарб. [Венюков М. Кавказские воспоминания // Русский Архив. 1880 N 1. С. 415].

Любознательность и коммунибельность помогли М. И. Венюкову во время службы хорошо изучить ландшафт территории, где проходили военные действия. Собранные им сведения позже легли в основу «Очерка пространства между Белой и Кубанью», где он указал, что «самое большое лесное пространство есть то, которое тянется полосой вдоль северной покатоности» Кавказских гор. «Ширина его достигает местами до, напр. на Лаббе, до 45 верст, иногда больше. Они на западе, у Белой, почти сплошные, на востоке же разбросаны группами; хвойных деревьев в них не встречается. Особенного внимания заслуживает растущий на последних предгорьях между Лабой и Белой лес Длинный (Тхачок), еще недавно служивший убежищем для егерукаевцев и махошей. Огромные дубовые деревья в нем достигают иногда толщины 3 футов в диаметре» [Венюков М. И. Очерк пространства между Кубанью и Белой. 1863 г. // Бесленей - мост Черкесии. Сб. документов и материалов. Сост. С. Хотко. Майкоп, 2009. С. 57].

Часть леса Тхачок, по словам М. И. Венюкова, «превращена в сады прививкой лучших пород, в чем горцы были довольно искусны», в них встречаются, «кроме яблонь, груш, черешен, дико растущих в большом изобилии», «и другие садовые растения: слива, вишня, малина, разные смородины и часть винограда».

В «Журнале военных действий» и рапортах за март 1862 г. удалось обнаружить хотя и скудную, но очень важную для нас, информацию о месторасположении леса Тхачег: «21-го числа войска были двинуты двумя колоннами в центр Егерукаевского населения, вверх по впадающим в Фарс речкам Кхотль и Феш, причем в течение 2-х дней были уничтожены все расположенные на них аулы. В последние три дня отрядом был подробно осмотрен лес Тхачок, покрывающий все пространство от хребта Камелюкотх почти до Абадзехской линии, но присутствия жителей не замечено» [АКАК. Т. XII. Тифлис, 1893. С. 684].

Не все названия речек, упоминаемые в этом документе, дошли до нас, но по сохранившимся топонимам можно очертить территорию леса Тхачок (*Тхьэчлэгъ*). По крайней мере, все пространство от впадения в р. Фарс ее левых притоков - Кхотль и Феш (р-н ст. Ярославской Мостовского р-на), к истокам рр. Сераль и Майкоп (Мыекьо) (р-н ст. Тульской), далее вверх по Белой в сторону нынешней ст. Абадзеховской, было известно военным как лес Тхачок (*Тхьэчлэгъ*).

Как уже отмечалось, в 1863 г., в конце Кавказской войны, лес Тхачег (*Тхьэчлэгъ*) был последним оплотом проживавших там егерукаевцев и махошей и его «слава», как места «сборища хищников», была хорошо известна в русских войсках и часто упоминалась в рапортах и отчетах. Так, в «Журнале военных действий и занятий войск в Кубанской области с 5-го по 12-е января 1863 г.» есть сообщение, что 12-го января 1863 г. «по тревоге сборная рота, находящаяся в ст. Нижне-Фарской, бросилась преследовать хищников, но они успели уже скрыться в ближайшем лесу Тхачохо» [ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1177. Л. 24 - 24 а].

После войны военные топографы, геологи, географы и историки, описывая Закубанский край, в частности окрестности Майкопа, также упоминали лес Тхачег в своих очерках. К примеру, некоторые подробности относительно него есть в очерке Е. Д. Фелицына «Майкоп» (1873 г.): «Громадный сплошной лес Тхайчих северо-западной частью своей выдается в виде мыса в сторону Майкопской равнины, затем далее, в Майкопском ущелье, вверх по течению реки Белой или по левую сторону дороги, ведущей в ст. Тульскую, идет сплошная возвышенность, по краю которой лес Тхайчих представляется в самом привлекательном виде» [Фелицын Е. Д. Майкоп//Старые черкесские сады. Сост. С. Хотко. Т. 1. М., 2005. С. 200].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что данные, приведенные в военных рапортах и очерках М. И. Венюкова и Е. Д. Фелицына, подтверждают, что указанный в воспоминаниях стариков и в фольклоре лес Тхачег действительно занимал все пространство между реками Белой и Лабой. Этому свидетельствуют и топографические карты. К примеру, на «Карте верхней и средней части бассейна реки Кубани, составленной в 1864 г. отмечен «Лес Тхачех», а на «5-верстной карте Кавказа» (1877 г.) - «Лес Тхачох». Таким образом, название Тхачок/Тхачохо (*Тхьэчлэгъ*) относилось ко всему огромному лесному массиву, находившемуся между реками Белая и Лаба, и это есть

тот самый знаменитый лес *Тхьэчлэгъ мэзышху* (большой лес Тхачег).

На более поздних топографических картах Кубани общее название «Лес Тхачег» уже отсутствует, а все пространство, занимаемое им, разделено на несколько лесных участков, которые отмечены как «Махошевская дача», «Фарсская дача» и др. Эти названия встречаются и в некоторых административных и землеустроительных документах Кубанской области как «Махошевская лесная дача» и «Фарсская лесная дача». На современных картах подобных названий уже нет, и большой лес между реками Белой и Лабой никак не отмечается, хотя он, в основном, сохранился.

За последние сто пятьдесят лет большой лес Тхачег, безусловно, значительно изменился. Сегодня большой лес Тхачег начинается с северо-восточной окраины г. Майкопа (на горе, за Северо-Восточными Садами), и тянется по правую сторону трассы, если ехать через Кужорский переезд в Лабинск. Его западная граница примыкает к северо-восточной окраине города Майкопа и продолжается вверх по правому берегу р. Белой, по направлению к Хаджоу. Южная часть леса находится в верховьях рек Ходзь и Малая Лаба. В настоящее время территория леса Тхачег расположена в двух регионах: в Майкопском районе Республики Адыгея и Мостовском районе Краснодарского края. Большая часть этого леса входит в Кавказский биосферный заповедник и в природный парк «Большой Тхач». Кстати, значение названий горы и речки Тхач (*Тхьачл/Тхьашл*) с адыгского языка также переводится как «земля, территория бога».

Как могло случиться, что такой важный объект духовной жизни адыгов - священный лес *Тхьачлэгъ* (Тхачег) оказался забытым, и сейчас стало так сложно его локализовать? Во многом этому способствовали трагические для адыгов события Кавказской войны, колонизации Кавказа, и последовавшие за ними выселение их основной массы в Османскую империю. В результате топонимия исторической Черкесии сильно изменилась. Многие адыгские названия были переименованы на русские, а другие в процессе адаптации к русскому произношению были изменены до неузнаваемости. Свою лепту в дело «искажения» внесли и военные топографы, которые наносили на карту адыгские названия неточно, порой полностью искажая их.

В настоящее время перед исследователем стоит непростая задача: за современным топонимическим слоем отыскать исконно адыгский древний слой названий и восстановить его. Кроме лингви-

стических трудностей, в этой работе существует еще и духовная: разрушилась адыгская традиционная система трансляции этнической информации из уст в уста, из поколения в поколение, сменилась религия. За последние сто пятьдесят лет изменилась не только историческая карта, но и наше сознание, которое уже не представляет себе, что вся территория Черкесии была для ее обитателей - наших предков, единым ландшафтным и духовным комплексом, сакральным пространством, заповедным местом - *Тхьэчлэгъ*, местом «под богом».

Теперь, когда удалось установить, где находится известный по воспоминаниям и по фольклору большой лес *Тхьэчлэгъ мэз* (лес Тхачег), встает следующий вопрос: почему всю эту территорию и лес предки адыгов называли «местом под богом или под покровительством бога» и считали священным? Исчерпывающего ответа нет, но на ум приходят известные аналогии - названия мест древних цивилизаций, созвучных с адыгским *Тхьэчлэгъ*. Например, город майя Теотиуакан в Мексике в переводе означает «место, где родились боги» или «место апофеоза богов», а в Андах столица инков - Тиаунако - «место бога», где творил бог Виракочи и др. Это священные центры, легендарные места, где, согласно мифам майя и инков, был создан мир, где богами были заложены принципы земледельческой цивилизации. Наш *Тхьэчлэгъ* вполне соответствует этим критериям. Вспомним хотя бы, что пространство между реками Белой и Лабой, являясь местом, где творил Тхагаледж - божество плодородия и изобилия, а также родиной диких плодовых растений и древним «очагом» их окультуривания.

О священности данного леса Тхачег также говорит и тот факт, что на его территории обнаружено самое большое на Северо-Западном Кавказе количество дольменов (более 1500 по Фелицыну), в том числе и триста с лишним дольменов на Богатырской поляне.

Дальнейшее изучение топографии этой местности, мифов, связанных с ней, а также восстановление исторической адыгской топонимики, позволит более точно определить территорию леса *Тхьэчлэгъ мэзышху* - «большого леса, находящегося под покровительством бога», поможет уточнить, какие особые священные места он в себя включал, а также понять их значение в древней истории и сакральном пространстве адыгов. В этом смысле поиски Тхачега еще продолжаются...

Нуржан ЕМЫКОВА.

ПО СТРАНИЦАМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО МАЙКОПА.

М. АБАЕВ ИЛИ С.-Б. СИУХОВ: К АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ПУБЛИКАЦИЙ «МАЙКОПСКОГО ЛИСТКА» ЗА 1912 ГОД.

Мисост Абаев

Несмотря на успехи в научной разработке биографий и творческого наследия северокавказских деятелей дореволюционного периода, следует все же признать наличие в рамках очерченной проблематики отдельных дискуссионных и спорных вопросов, требующих дополнительного изучения. В ряду стоящих перед местной наукой исследовательских задач не утратила своей актуальности, в частности, проблема установления авторства и научной атрибуции имеющихся литературных артефактов.

Широкое развитие и значительный рост активности кавказско-горской журналистики и публицистики в начале XX века, что является характерной особенностью и отличительной чертой последнего этапа национально-просветительского движения и, вместе с тем, анонимность многих публикаций, частое использование псевдонимов и криптонимов создают определенные объективные сложности в решении обозначенной выше проблемы.

В данной статье высказываются некоторые предположения относительно авторства ряда корреспонденций и заметок, опубликованных под псевдонимом «Горец» в газете «Майкопский листок» за 1912 год [1]. Две из них («В царстве нефти...» и «Белореченский атаман и иногородняя школа») были включены с краткими аннотациями в фундаментальную «Библиографию Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи», составленную и изданную Р.У. Тугановым ещё в 1967 году. Впоследствии в кавказоведческой литературе априори утвердилось мнение о принадлежности их перу балкарского деятеля М.К. Абаева, в газетных заметках 1890-х гг. иногда прибегавшего к этому, довольно популярному среди горских авторов того времени псевдониму [2].

Существует обширная литература о жизни, общественной и научно-просветительской деятельности Мисоста Абаева [3]. Заметное место в ней отводится и его служебной карьере, перемещениям по службе. М. Абаев – один из немногих горцев, занимавших в своё время высокие посты в

структурах военно-казачьей администрации, непосредственно связанных с управлением коренным населением края. Биографы отмечают личный вклад М. Абаева в хозяйственно-экономическое и культурное развитие соплеменников в бытность его начальником участков Баталпашинского отдела Кубанской и Нальчикского округа Тёрской областей. Свою служебно-административную деятельность М. Абаев совмещал с занятием литературно-журналистским творчеством. В газетных статьях и корреспонденциях передового кавказского деятеля нашли отражение его гражданская позиция и взгляды на правовое положение, развитие образования и культуры, состояние хозяйства и быта, а также историческое прошлое горского населения

вверенных ему «участков», основанные на морально-этических ценностях просветительской идеологии. Сказанное в полной мере относится и к периоду пребывания М. Абаева в Адыгее в 1890-е гг. Как свидетельствуют архивные документы, будучи участковым начальником над горцами Екатеринодарского отдела Куб. области, корнет М. Абаев в меру своих сил и в рамках должностных полномочий старался способствовать решению злободневных вопросов хозяйственно-экономической и социальной жизни прикубанских черкесских селений. Содействовал развитию образования, открытию первых светских школ, в частности, Понежукаевского училища в 1895 г. Не без его участия для горцев Екатеринодарского отдела была учреждена третья дополнительная стипендия в Кубанской учительской семинарии. «...Иметь в своих сельских школах учителей своих же черкесов, принесет несравненную выгоду», – читаем в одном из рапортов М. Абаева вышестоящему начальству [4]. Он оставил несколько содержательных заметок в екатеринодарской прессе, описав ряд знаменательных событий из общественной жизни западных адыгов 1895 – 96 гг., очевидцем и участником которых ему довелось быть в силу своих должностных обязанностей. В конце 1896 года М. Абаев переводится в Баталпашинский отдел и вся его последующая деятельность, как явствует из приводимых в литературе биографических сведений, не имела никакого отношения к Адыгее, в т.ч. «Майкопскому отделу». Последнее обстоятельство уже само по себе заставляет усомниться в принадлежности майкопских публикаций 1910-х гг. Мисосту Абаеву. Но фактор географической и административно-территориальной «удаленности» не основное и не единственное противоречие в устоявшейся литературоведческой традиции. Непосредственное обращение ко всей серии заметок в майкопской газете (ранее, к сожалению, практиковался сугубо избирательный подход) предоставляет любопытный материал для

более обоснованных и правдоподобных гипотез, нежели доминирующая. Не прибегая к полному и исчерпывающему анализу содержания и стилистических особенностей интересующих нас публикаций, остановимся вкратце на наиболее примечательных и заслуживающих особого внимания, моментах.

Помещенный редакцией «Майкопского листка» в сентябрьских номерах газеты за 1912 г. материал, представлял собой цикл заметок и корреспонденций с мест, своего рода небольшое критическое обозрение событий и явлений местной жизни – популярный в ту пору жанр провинциальной общественной журналистики. География сообщений ограничивалась территорией сельских поселений предгорной зоны Майкопского отдела вблизи его административного центра и самим Майкопом. Их тематика – от открытия казённой винной «монополии» и злоупотреблений писаря в одной из станиц до иностранного засилья в Майкопском нефтяном районе – требовала от корреспондента детальной осведомленности о сюжете сообщения и, соответственно, его непосредственного нахождения в данной местности или регионе. Нельзя не обратить внимания и на то, что во всех публикациях, так или иначе, присутствовала школьная тематика. Только открытие народных школ и широкое распространение образования, рациональных знаний и сведений, по убеждению их автора, позволит наиболее эффективно противостоять негативным общественным проявлениям и социальным недугам, подобным тем, которые он сделал достоянием гласности посредством печатного слова. В заметках, помимо прочего, приводятся конкретные сведения и факты из повседневной учебной практики сельских училищ IV (Майкопского) учебного района. Вышеизложенное позволяет с большой долей уверенности предположить род занятий и профессиональную принадлежность «Горца».

Так кто же в действительности скрывался за этим псевдонимом? Только один горец – народный учитель по профессии находился в этот период в пределах предгорной зоны Майкопского отдела и учебного района. В апреле 1912 года сюда, как следует из формулярного списка о службе и автобиографии, на должность учителя Махашевского двухклассного училища был назначен Сефер-Бей Сиухов [5]. Перевод в станичную школу явился следствием санкции учебного начальства, недовольного общественной активностью и острыми выступлениями в печати молодого черкесского педагога [6]. Материалы «Майкопского листка» по своей стилистике, тематическому диапазону и гражданскому пафосу близки и созвучны литературно-публицистическому творчеству С.-Б. Сиухова. Подобно М. Абаеву, другим прогрессивно мыслящим представителям кавказской интеллигенции, в ран-

ний период деятельности С.-Б. Сиухов придерживался идеологии просветительского гуманизма. Он искренне верил в очистительную и преобразующую силу просвещения, в возможность посредством школьного образования народных масс решать сложные и насущные вопросы социальной и общественно-политической действительности. Школьная проблематика публикаций «Майкопского листка» перекликается с известными и в настоящее время надёжно атрибутированными публицистическими статьями и педагогическими работами адыгского просветителя. Введение всеобщего и доступного, без словных и национальных ограничений образования, учреждение народных училищ, строительство новых школьных зданий, расширение штата учителей, критика консервативных «темных сил», противодействующих прогрессивным тенденциям в народном просвещении, – все это неизменно присутствовало в публицистике С.-Б. Сиухова. Свои газетные и журнальные статьи, как известно, он зачастую подписывал характерными псевдонимами: «Абадзех», «Черкес», «Катон-Горский»...

И ещё одно немаловажное обстоятельство, которое может служить весьма убедительным аргументом в пользу высказанной нами версии. В одной из заметок «Горца» приводятся подробности чествования майкопским учительским сообществом старейшего деятеля просвещения г. Майкопа Л.Х. Стражева [7]. Воспитанник Ладожской учительской семинарии, последний «семёновец» Лаврентий Стражев – бывший учитель и классный наставник С.-Б. Сиухова по Майкопской горской школе [8]. Его имя неоднократно упоминается в мемуарных записках одного из зачинателей адыгской научно-педагогической мысли. Примечательно, что серия публикаций «Горца» прервется вскоре после отъезда С.-Б. Сиухова на новое место службы в Екатеринодарский отдел...

Литература:

1. Горец. В царстве нефти. Тогда и теперь // Майкопский листок (МЛ.). 1912. №5–6; Школьный вопрос // Там же. №6. С.3–4; Тёмные силы // Там же. №7. С.4; Станичная жизнь. Ст. Нефтяная // Там же. №8. С.3; Юбилей // Там же. С.4; Белореченский атаман и иногородняя школа // Там же. №9. С.2.
2. Достаточно обратиться к библиографическим работам того же Р.У. Туганова, чтобы убедиться в чрезвычайной и вполне объяснимой распространенности данного псевдонима в кавказской печати конца XIX – начала XX вв.
3. Азаматов К.Г. Об общественно-политических взглядах М.К. Абаева // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX–начале XX века. – Нальчик, 1976. С.263 – 276; Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев. – Нальчик, 1980;

Сефербий Сиухов

Мисост Абаев (1857–1928) // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Т.1. / Составитель Т.Ш. Биттирова. – Нальчик, 1993. С.141–219; Биттирова Т.Ш. Абаев Мисост Кучукович (1857–1928). Жизнь и деятельность. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.balkaria.info/library/b/bittirova/m-abaev.htm>. (Дата обращения: 10.10.2012).

4. ГУ Национальный архив РА. Ф.21. Оп.1. Д.210. Л.3–6.

5. Государственный архив Краснодарского края. Ф.470. Оп.2. Д.6273. Л.2. С.1; Сефербий Сиухов – адыгский просветитель / Составл. и коммент. К.И. Бузарова и Аз.К. Бузарова. – Майкоп, 1991. Сс.16, 23–24.

6. В автобиографических записках С.Х. Сиухов так откомментарирует этот эпизод своей биографии: «...Мои настойчивые требования о создании для всего черкесского населения хотя бы одной школы повышенного типа и вообще уделения черкесам соответствующей доли из отпускаемых казной денег были истолкованы как противоречие начальству, и я был из аула переведён в казачью станицу, очевидно, как говорится, чтобы отлучить от обурававших меня дум и чувств». (ГУ НАРА. Ф.Р-1. Оп.1. Д.9. Л.86).

7. Горец. Юбилей // МЛ. 1912. №8. С.4.

8. Семёнов Д.Д. (1834–1902) – российский педагог-реформатор, последователь К.Д. Ушинского; в 1870-е гг. возглавлял Кубанскую (Ладожскую) учительскую семинарию.

В заметке о юбилее Л. Стражева этот деятель народного образования Майкопа характеризуется как опытный и талантливый учитель, школьный наставник и воспитатель, приверженец лучших традиций отечественной педагогики. С.-Б. Сиухов – его ученик, а позже и коллега «по цеху», выпускник той же Ладожской семинарии, как представляется, располагал подобного рода сведениями и информацией. Но откуда о них могло быть известно участковому начальнику над горцами Баталпашинского отдела?

Азамат Бузаров.